

УДК 801.631.5
ББК 83.3 (2Рос = Рус) 1-8
Чехов А.П.

Н.В. Моисеева-Пронь

**ДИАЛОГИЗАЦИЯ РЕЧИ
КАК ОСОБЕННОСТЬ
ПОЭТИКИ А.П. ЧЕХОВА**

Дан анализ средств диалогизации монологической речи в различных речевых сферах языка, представленных прозаическим творчеством А.П. Чехова; определено соотношение специфических признаков анализируемых средств в речевых слоях автора и персонажа в художественном прозаическом произведении. Комплексное исследование данного феномена в художественной и публицистической прозе позволило назвать диалогизацию речи одной из основных особенностей поэтики А.П. Чехова.

Ключевые слова: *средства диалогизации, вопросительная цепочка, вопросно-ответный комплекс, адресация.*

Моисеева-Пронь Наталия Валерьевна – канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка Южного федерального университета
Тел.: 8(863) 299-69-12
E-mail: vpron@inbox.ru

Мастер малой жанровой формы, А.П. Чехов отдает предпочтение диалогу, о чем свидетельствует значительный удельный вес примеров данного типа речи в рассказах и повестях. Диалог позволяет писателю динамично и в то же время правдиво, убедительно передавать речь персонажей, сохраняя их индивидуальные речевые особенности. Диалогизация авторской и персонажной монологической речи, т.е. введение в монологическую речь вопросно-ответных построений, семантика которых отражает «двуначалие», «двусубъектность» речевого образования, в художественной и публицистической прозе представляется явлением, органично вписывающимся в поэтику А.П. Чехова.

Различия в наборе и особенностях функционирования средств диалогизации персонажной монологической речи определяются принадлежностью ее к внешней или внутренней формам речи. Для внутренней монологической речи персонажей художественной прозы А.П. Чехова характерно использование отдельных вопросительных предложений, вопросительных цепочек, вопросно-ответного комплекса (функционально-композиционной диалогизированной структуры монологического текста, включающей в себя в качестве инициального высказывания вопросительное предложение, а в качестве ответной части одно или

несколько высказываний, связанных содержательно и синтаксически) [Стельмашук].

Внутренняя монологическая речь персонажа в рассказах и повестях А.П. Чехова в функциональном отношении близка к диалогу, поскольку сам «про себя» персонаж может или строить планы поведения, или «обсуждать» то или иное положение дел, или искать истину, т. е. в «разговоре с самим собой» актуализируются диалогические потенции языка и мышления, выражение которых опирается на такие диалогические конструкции, как:

– отдельное вопросительное предложение:

1. *«Противный народ эти чухонцы и ... греки, — думал он. — Совсем лишний, ни к чему не нужный, противный народ. Занимают только на земном шаре место. К чему они?»* (Тиф, т. 6, с. 130).

– вопросительная цепочка:

2. *«Ему было страшно за себя и за сестру, и было жутко, что он ее сейчас увидит. Как она будет держать себя с братом? О чем они оба будут говорить? И не вернуться ли назад, пока не поздно? Думая так, он по липовой аллее поскакал к дому... (...)* (Соседи, т. 8, с. 59).

– вопросно-ответный комплекс:

3. *«Это вчера они гуляли на именинах... — думал он, медленно снимая повязку. — Погодите, я покажу вам именины! Впрочем, что я могу сделать? Ничего я не могу.»* (Неприятность, т. 7, с. 142).

Функции средств диалогизации внутренней монологической речи персонажей художественной прозы А.П. Чехова связаны с передачей особенностей мыслительного процесса, движущегося от неизвестного к известному через постановку вопросов и их разрешение. На основную функцию вопросительного предложения — стремление говорящего выяснить что-либо неизвестное — во внутренней монологической речи накладываются функции постановки проблемы, а также «стимуляции» мыслительного процесса. Диалогическая форма изложения, включаемая во внутреннюю монологическую речь персонажей, позволяет автору фиксировать процесс возникновения и становления мыслей персонажа, не отделяя их от породившего их сознания.

Диалогизированные построения во внутренней монологической речи персонажей художественной прозы А.П. Чехова связаны с воспроизведением ситуаций программирования героями предстоящих действий, осознанием происходящего и его участников, выражением опасений, страхов, надежд, пониманием ненормальности реального существования, попытками осмыслить возможность выхода из создавшейся ситуации.

Диалогизированная внутренняя речь приближает читателя при помощи измененных акцентов к озвученному и более зримому восприятию внутреннего голоса персонажа. Построенные на употребле-

нии средств диалогизации внутренние монологи уподобляются своим звучанием перекрещивающихся голосов изображению сценическому и составляют поэтому одну из основ драматизации чеховских рассказов и повестей. Введение вопросительных построений в развернутое внутреннее монологическое высказывание А.П. Чехов всегда использует в узловых сюжетных моментах произведения, приоткрывая систему жизненной позиции и характера персонажа. Это дает возможность экспрессивно, рельефно, концентрированно изобразить внутреннее состояние героя в какие-то особые, напряженные моменты спора его с самим собой и с действительностью.

Особенность одиночных вопросительных предложений во внутренней речи персонажа заключается в том, что вопрос лишь «высвечивает» одну из тех возможностей, которые бессознательно понимаемы субъектом, и цель вопроса не столько получение информации, сколько — проникновение на «территорию» другой точки зрения, осознание и оценка любой другой возможной позиции.

Одиночные вопросительные предложения, включаемые А.П. Чеховым во внутреннюю монологическую речь персонажей, с точки зрения того, как в них выражена вопросительность, — в большинстве своем местоименные вопросительные предложения (69 % из 90 случаев употребления одиночных вопросительных предложений). Неместоименные вопросительные предложения в силу своих семантических особенностей редко используются в монологической речи персонажа самостоятельно (28 %); они, как правило, образуют «вопросительные цепочки» или входят в состав вопросно-ответных построений.

Диалогические функции одиночных вопросительных предложений и специфика внутренней речи предопределяют их семантические особенности. Семантика рассмотренных местоименных вопросительных предложений ограничена тремя основными направлениями. Первую группу составляют вопросительные предложения, вопрос в которых направлен на выяснение обстоятельств причины совершения или, наоборот, не совершения героем необходимых, с его точки зрения, действий, а также действий других персонажей, которые непосредственно затрагивают интересы героя.

4. *«Он держал меня целых полчаса, — думала она, идя домой, — а я молчала! Молчала! Отчего я не поговорила с ним?»* (Цветы запоздалые, т. 1, с. 425).

Вторая группа — вопросительные предложения, вопрос в которых связан с выяснением обстоятельств образа действия, приведших героя к данной психологической проблеме или касающихся только внешней ситуации.

5. *Изредка она останавливалась и, плача, приподнимая то одну озябшую лапу, то другую, старалась дать себе отчет: как это могла случиться, что она заблудилась?* (Каштанка, т. 6, с. 430).

Третью группу образуют вопросительные предложения типизированной структуры с вопросом, выясняющим направленность действия, необходимость совершения которого отчетливо сознается спрашивающим:

6. *Но все это мечты, в действительности же оставалось только одно — поскорее уйти, не оставаться здесь ни одного часа. Правда, страшно потерять место, опять ехать к родителям, но что же делать? Машенька не могла видеть уже ни хозяйки, ни своей маленькой комнаты, ей было здесь душно, жутко.* (Переполах, т. 4, с. 335).

Все одиночные неместоименные вопросительные предложения, представленные во внутренней монологической речи персонажа, по признаку качества и объема вопроса, заключенного в них, относятся к типу предположительно-вопросительных предложений. При этом кроме общей вопросительной модальности эти предложения обладают дополнительным оттенком маловероятности предположения:

7. *Около стола стоит гимназист первого класса Коля и плачет. Ему хочется поиграть в лото, а его не пускают за стол. Разве он виноват, что он маленький и что у него нет копейки?* (Мошенники поневоле, т. 1, с. 472).

В ситуации внутренней речи цель вопросительных предложений, организованных в вопросительную цепочку, — «стимуляция» мыслительного процесса, продвижение мысли вперед. Диалогизированные формы внутренней речи самоадресованы, вследствие чего они вызывают распад личности на двух иерархически неравных собеседников.

8. *И эти люди, и тени вокруг костра, и темные тюки, и далекая молния, каждую минуту сверкавшая вдали, — все теперь представлялось ему нелюдимым и страшным. Он ужасался и в отчаянии спрашивал себя, как это и зачем попал он в неизвестную землю, в компанию страшных мужиков? Где теперь дядя, о. Христофор и Дениска? Отчего они так долго не едут? Не забыли ли они о нем?* (Степь, т. 7, с. 83).

Функциональная нагрузка вопросно-ответного комплекса во внутренней речи персонажа состоит в организации рассуждения как функционально-смыслового типа монологической речи. Вопрос во внутренней речи — это своеобразный мыслительный эксперимент. Инфинитивное вопросительное предложение, а чаще ряд предложений, организованных в вопросительную цепочку, представляет тезис, предположение, «выносимое на защиту».

9. *«Украсть нешто? — подумал он. — Украсть-то, положим, не трудно, но вот спрятать-то мудрено... В Америку, говорят с краденным бегают, а черт ее знает, где эта самая Америка! Для того, чтобы украсть, тоже ведь надо образование иметь».* (Мелюзга, т. 3, с. 211).

Наряду с основной для вопросно-ответного комплекса характерна также функция мысленного моделирования ситуации, когда вопросительная часть, выраженная местоименным вопросительным предложением, содержит в себе «модель» ситуации, а ответная — ее развитие при данных обстоятельствах.

10. *Защитник встряхивает головой, как лошадь, которую укусила муха, и продолжает думать:*

«Что-то теперь у меня дома делается? В эту пору обыкновенно все бывает дома: и жена, и теща, и дети... Детишки Колька и Зинка, наверное, теперь в моем кабинете... Колька стоит на кресле, уперся грудью о край стола и рисует что-нибудь на моих бумагах. (Сонная одурь, т. 4, с. 181).

Второй специфической функцией вопросно-ответного комплекса во внутренней монологической речи персонажа является обозначение перехода к новой теме в размышлении.

11. *«И этих знаю... — думает он. Где запятой мало, а точки много, там надо точку с запятой. Перед «но» и «следственно» всегда ставлю точку с запятой... Ну-с, а двоеточие? Двоеточие ставится после слов «постановили», «решили»...»* (Восклицательный знак, т. 4, с. 268).

Во внутренней монологической речи вопросно-ответный комплекс используется также с целью введения дефиниции.

12. *«Что такое жизнь? — не раз задавал он себе вопрос. — Для чего мы живем? Жизнь есть миф, мечта... чревоущание...»* (Роман с контрабасом, т. 5, с. 179).

В монологической реплике, противопоставленной внутреннему монологу как форма внешней (прямой) речи, речи внутренней, адресантом и адресатом в своеобразном диалоге, созданном средствами диалогизации, также в одном лице выступает персонаж. Этим достигается актуализация внимания реального адресата диалога, в состав которого входит монологическая реплика.

Монологи чеховских персонажей, как правило, связаны с рассуждением, с выдвижением аргументации, ее проверкой и опровержением. Внимание слушателя в этом случае активизируется вопросно-ответным построением речи. Пусть на задаваемые вопросы говорящий отвечает сам, но одна их постановка облегчает восприятие, и вместо концентрированной подачи мысли он предлагает расчлененную с бо-

лее четкой противопоставленностью темы и ремы. Во внешней (прямой) речи персонажей, представленной монологической репликой, в качестве средства диалогизации употребляется вопросно-ответный комплекс, аналогичный по структуре диалогическому единству.

13. — *Нет, друг мой, к несчастью, женщины не могут быть совершенны! Как бы ни была умна женщина, какими бы совершенствами она ни была одарена, в ней все-таки сидит гвоздь, мешающий жить и ей и людям... Возьмем хоть Надю... Ну к чему она это сделала? Самолюбие и самолюбие! Болезненное самолюбие! Чтобы уколоть вас, она задумала выйти за этого графа... Не нужно ей было ни его денег, ни знатности...* (Драма на охоте, т. 3, с. 367).

В монологической реплике персонажа вопросно-ответный комплекс выполняет помимо тех же функций, что и во внутренней речи, функцию, типичную только для данного типа персонажной речи. Это функция оформления вывода, противопоставленного сказанному ранее.

14. — *А возьмите вы мою мать! — говорил он, протягивая к ней руки и делая умоляющее лицо. — Я отравил ее существование, обесславил, по ее понятиям, род Лихаревых, причинил ей столько зла, сколько может причинить злейший враг, и — что же? Братья выдают ей гроши на просфоры и молебны, а она, насилуя свое религиозное чувство, копит эти деньги и тайком шлет их своему беспутному Григорию!* (На пути, т. 5, с. 473).

Вопросно-ответные построения в авторской речи, сопровождающиеся разного рода средствами адресации, направленными на установление контакта с читателем, к которому в целом обращена авторская речь в художественной и публицистической прозе, также имеют одного создателя — автора. Цель их — вовлечение читателя в своеобразную проверку правильности высказываемых автором суждений.

В художественной прозе А.П. Чехова одиночные вопросительные предложения, составляющие 12 % от общего числа (310 случаев) вопросительных построений в авторской речи, выступают в функции постановки проблемы в ситуации авторских размышлений или попутного комментирования описываемых героев, их поступков и положений.

Наряду с указанной функцией, одиночные вопросительные предложения в авторской речи выполняют также важную композиционную функцию. Использование вопросительных предложений в качестве итоговых фраз рассказов и повестей создает эффект «открытого финала».

15. *И пришлось бежать от совести в воду, возмутить то именно место, где плавают поплавки Архипа. Утопился ямщик. На плотине видят теперь старик и старуха-верба две тени... Не с ними ли они шепчутся?* (Верба, т. 2, с. 105)

Автор при этом задает вопрос не столько самому себе или верховному существу, сколько адресует его читателю. Он входит в контакт со своим читателем, делая его участником и процесса своего сообщения, и своих чувств, максимально приобщая его к тому, в чем хочет иметь его участником. В отдельных случаях такая адресованность получает эксплицитное выражение, например, в виде имитированной реплики, обращенной непосредственно к читателю.

16. *«Но кто же? Кто? — задумался Ахинеев, перебирая в своей памяти всех своих знакомых и стуча себя по груди. — Кто же?»*

— Кто же? — спросим и мы читателя... (Клевета, т. 2, с. 279)

В художественной прозе вопросно-ответный комплекс в авторской речи выполняет те же функции, что и в персонажной речи, но имеет ряд характерных особенностей, связанных с использованием средств адресации в системе отношений: автор — читатель.

Так, употребление вопросно-ответного комплекса в функции оформления авторских рассуждений сопровождается использованием таких средств адресации, направленных на установление контакта с читателем, как:

- своеобразные обращения к читателям:

17. *Весна желанная гостья, но добрая ли? Как вам сказать? Помоему, не то, чтобы слишком уж добрая, и нельзя сказать, чтоб слишком уж злая. Какая бы она ни была, но ждут ее с нетерпением. (Встреча весны (рассуждение), т. 1, с. 140).*

- приписывание вопроса о происходящем читателю:

18. *На совести каждого красивого артиста много женщин, и чтобы помнить каждую, нужно иметь слишком большую память.*

Все наказываются на этом свете, если верить добродетельным и благочестивым людям. Был ли наказан дирижер?

Да, был. (Два скандала, т. 1, с. 446).

В последнем примере приписывание вопроса читателю определяется по смыслу: автору повествуемые события хорошо известны, так же, как и их финал;

- отождествление автором себя с читателями, так называемое авторское «мы», реализуемое употреблением местоимений «мы» (и его форм), притяжательного местоимения «наш» (и его форм), глаголов в форме первого лица множественного числа:

19. *Как пекут блины? Неизвестно... Об этом узнает только отдаленное будущее, мы же, не рассуждая и не спрашивая, должны есть то, что нам подают... Это тайна! (Блины, т. 4, с. 361).*

- переключение читателя в плоскость активного созерцателя с использованием форм второго лица единственного и множественного числа глаголов и местоимений:

20. *Глядя на лицо, никак не поймешь, какого он звания: барин ли, купец, или мужицкого звания? Судя по выражению и длинным волосам, он как будто бы постник, монастырский послушник, а прислушаешься к его словам — выходит, как будто бы и не монах.* (Гусев, т. 7, с. 329).

Своеобразные обращения к читателям используются также в вопросно-ответном комплексе, вводящем дефиницию.

21. *Бывший чиновник интендантского управления, отставной коллежский секретарь Лахматов, сидел у себя за столом и, выпивая шестнадцатую рюмку, размышлял о братстве, равенстве и свободе. Вдруг из-за лампы выглянул на него черт... Но не пугайтесь, читательница. Вы знаете, что такое черт? Это молодой человек приятной наружности, с черной, как сапоги, рожей и с красными выразительными глазами.* (Беседа пьяного с трезвым чертом, т. 4, с. 338).

Показатели переключения читателя в плоскость активного созерцателя, когда автор принимает на себя роль посредника между описываемыми событиями и читателем, сопровождают вопросно-ответный комплекс в функции обозначения перехода к новой теме.

22. *Вообще, она так мила, что вы надолго забываете, что она — урод.*

А он? Он, le mari d'elle, сидит от нее за пять стульев, много пьет, много ест, много молчит, катает из хлеба шарики и перечитывает ярлыки на бутылках. (Он и она, т. 1, с. 241).

В художественной прозе А.П. Чехова вопросно-ответный комплекс в авторской речи обладает функцией, характерной только для данного типа художественной речи, — функцией представления ситуации. Автор с некоторой шутливостью, связанной с пониманием безнадежности сделать правдоподобной ту долю участия в реальной передаче, которую он приписывает себе, вводит моменты «режиссерского» характера:

23. *Нагой, с музыкальным инструментом на спине, он напоминал некоего древнего, мифического полубога.*

Теперь, читатель, пока мой герой сидит под мостом и предаётся скорби, оставим его на некоторое время и обратимся к девушке, удившей рыбу. Что случилось с нею? Красавица, проснувшись и не увидев на воде полавка, поспешила дернуть за леску. Леска натянулась, но крючок и полавков не показались из воды. Очевидно, букет Смычкова размок в воде, разбух и стал тяжел. (Роман с контрабасом, т. 5, с. 180).

Провести четкую границу между художественными и «газетными» жанрами у А.П. Чехова не всегда достаточно просто, в этом, по видимому, и проявляется особенность чеховской манеры изложения,

максимально полно и точно воспроизводящей описываемые события и лица и выражающей без «учительских» назиданий отношение к ним автора.

Произведения публицистической прозы А.П. Чехова всегда имеют четко заявленную авторскую позицию, в правильности которой требуется убедить читателя. Убедительность же публицистического выступления зависит от его аргументированности, от правильной организации доказательств. В публицистическом произведении чужие точки зрения автором уточняются, сопоставляются и обязательно оцениваются. Аргументация предполагает выявление альтернатив, разрешение той или иной ситуации, выбор одной из них. В некоторых случаях А.П. Чехов прямо опровергает взгляды оппонентов, вводя их в качестве «третьих» коммуникантов в разговор с читателем, адресуя к ним вопросы и высказываемые суждения. «Третьи» лица предстают в публицистической прозе А.П. Чехова и обобщенно, и персонифицированно.

Способом опровержения может служить также своеобразный внутренний авторский диалог (рассчитанный в то же время на привлечение читателя), эксплицитно выраженная проверка логики рассуждения.

24. Мы с нетерпением ждем прибытия индейцев. Везет их к нам на показ из Берлина некий Александров. Будущие гости принадлежат к племени Сиу и К. (...) Очень приятно, но... на кой черт нам индейцы? И что мы в них созерцать и изучать будем? Индейские нравы? Напрасно... У нас у самих есть нравы, и почище еще индейских. В замоскворечье, в театральной конторе, в московских аптеках, в саду «Эрмитаж» и прочих полезных учреждениях вы найдете нравы, пред которыми бледнеют все папуасы и компрачикосы. (Осколки московской жизни, т. 16, с. 94).

Авторские рассуждения в публицистической прозе А.П. Чехова репрезентированы вопросительными цепочками и вопросно-ответным комплексом.

Одиночные вопросительные предложения, как правило, не используются в качестве самостоятельных средств диалогизации в публицистической прозе А.П. Чехова, а образуют вопросительные цепочки. Основная функция таких вопросительных цепочек — постановка проблемы. Как автор фельетонов и заметок на «злобу дня» А.П. Чехов считал себя обязанным в этом жанре, как он сам выразился, нападать «на личность». Вопросительные цепочки заключают в себе ряд вопросов, полемически направленных виновникам «московских недугов и уродств».

25. Не так давно в Суцевскую часть явился молодой французик Николя Морес и заявил, что Сарра Беккер убита не Мироновичем, а его, французом, рукою... (...) Губа у французика не дура, ибо известность

хорошая вещь, — но почему он избрал именно убийство Сарры Беккер? Почему он не пробежался нагишом по Кузнецкому, почему не пишет стихов в «Волне», почему не подрался с Лентовским? Все это дало бы ему известность помимо квартала и допроса у следователя... Впрочем, у всякого барона своя фантазия и всякий по-своему с ума сходит... (Осколки московской жизни, т. 16, с. 137).

Употребление диалогизированных построений в публицистической прозе связано с открытостью авторской позиции, с ориентацией речи на максимально активное восприятие, понимание и реакцию читателя, подчеркнута эмоциональную передачу смысловых позиций, оценкой всех излагаемых точек зрения.

Использование вопросно-ответного комплекса в публицистической прозе А.П. Чехова определяется тремя основными функциями: функцией оформления рассуждения, функцией введения дефиниции, функцией демонстрации полемики автора с оппонентами.

В публицистической же прозе с ее оценочностью, полемической заостренностью, столкновением различных точек зрения, представляемых автором на суд читателя, с помощью средств диалогизации в определенных случаях передается ситуация общения «реальных» адресанта и адресата в лице автора и его оппонентов. Так А.П. Чехову удается добиться «чувства первого впечатления», обязательного для произведений публицистического жанра.

Проведенное исследование позволяет говорить об особенностях поэтики А.П. Чехова, связанных с диалогическим характером передачи речемыслительной деятельности, реализующейся в монологической речи автора и персонажа средствами диалогизации и представленной в художественной и публицистической прозе как системе речевых сфер языка.

Литература

Стельмашук А.П. Диалогизация в научном и научно-популярном стилях современного русского литературного языка и место в ней вопросно-ответного комплекса. Белосток, 1991. 211 с.

Чехов А.П. Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. Соч.: в 18 т. М., 1974 – 1983. Все примеры даются по этому изданию.